Русская власть и российская политика

А.Л. Казин, доктор философских наук

В шапке золота литого,
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чудных стран.

М. Ю. Лермонтов

«Центроверх» или Жруггр?

Когда живется лучше — в эпоху спокойствия и постоянства, или в период революционной ломки? Кто прав — китаец, желающий своему врагу испытать время перемен, или русский поэт Тютчев: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...». Понятно, что тютчевская строка у современного, «хорошо упакованного» во всех отношениях обывателя вызовет только «нервный смех». В идейном плане русская поэзия действительно «не для слабонервных», поскольку она своими средствами моделирует русскую жизнь — материально трудную и духовно напряженную. Как раз по этой причине искусство в России никогда не хотело быть просто искусством, так же как наука — только наукой, а философия — только философией и т. д. Как и все социальное устройство русского общества, отечественная культура постоянно стремилась куда-то, была «тягловой», находилась в походе «людно, конно и оружно». Некоторые умники даже вывели отсюда некую изначальную несвободу русской мысли и творчества, как будто наших писателей и мыслителей кто-то заставлял делать то, что они делали. «Русскую жизнь изуродовали хорошие книги» — эта формула В.В. Розанова меняет свой смысл в зависимости от того, с чем русскую жизнь сравнивать: если с Иерусалимом первого века — одно дело, если с Нью-Йорком векаXXI-го — другое...

В самом деле, если глядеть на Россию с современного европейского (и, тем более, американского) берега, русская история, культура все время идут «не туда». То колокол отольют такой громадный, что не звонит, то пушку такую большую, что не стреляет, то блоху английскую подкуют так, что она прыгать перестает. Правда, как бы между делом, Россия выигрывает мировые войны, строит великое государство, осваивает целые континенты, создает художественные шедевры, выходит в космос и т. п. По характерному выражению Н.А. Бердяева, русская история скорее случается, чем происходит. И хотя сейчас само словосочетание «русская идея» многие расценивают как исторический миф, приходится признать, что наша жизнь и наша культура уже более тысячи лет руководствуются именно этой идеей, а не чем-нибудь другим. Как говорится, нет ничего практичнее хорошей теории...

Как и сто, и двести лет назад, отечественное «россиеведение» делится ныне на две половины — глубинно-западническую и национально-радикальную. Разумеется, за два века принципиально изменились смысловые горизонты мысли о России, ее всемирно-исторический контекст, ее методология и понятийный аппарат. Однако избежать Сциллы европейничанья и Харибды самодовления русским ученым никак не удастся. Вот, к примеру, статья В.В. Ильина «Сценарии будущего для России» — стройная, логичная, прописанная, что называется, по позициям. Однако Россия (вместе, кстати, с мусульманским регионом) оказывается в описании автора безнадежно далекой и, в сущности, бесперспективной окраиной «ядра мир-системы», под коим разумеется, само собой понятно, современная американизированная евро-атлантида. Это тем более очевидно, что В. Ильин отрицает религиозную основу (матрицу) цивилизации, фактически отождествляя ее с гуманистической утопией — развитием человеческой природы как самоцели, по известной формуле К. Маркса. Как выглядит в этом плане в начале XXI в. западный просвещен-

ный либерализм с его потребительством, гомосексуализмом, нежеланием рожать детей и клонированным бессмертием (т. е. задумкой стать грешным богом) — тоже хорошо известно. Статья В. Ильина полна верных наблюдений и точных рекомендаций — особенно по части взаимоотношений России с разными отколовшимися от нее самостийниками — однако *русскому человеку как субъекту истории* здесь *ничего делать*, ему не оставлено собственной духовно-практической точки опоры, где он был бы «у себя»; он здесь все время перед лицом Другого, у которого все как-то лучше...

Совсем другое дело — статья А.И. Фурсова «Русская власть, история Евразии и мировая система», которая при столь же четкой методологии и ясности формулировок склоняется в противоположную сторону — к *абсолютизации* русского пути в истории. Автор последовательно развивает геополитическую историософию русской власти, используя при этом своеобразный методологический «двучлен» евразийства и марксизма. От первого (евразийства) у А. Фурсова, несомненно, идея ордынского происхождения московского самодержавия, доходящая до его (самодержавия) характеристики как автосубъектной, надзаконной и даже революционной власти, стоящей выше общества, политики и экономики. От второго (марксизма) — мысль о фатальной бедности русского национального хозяйства, влекущей за собой необходимость насильственного распределения прибавочного продукта в интересах всей социальной системы, а не только правящей верхушки. В результате, в России, согласно, А. Фурсову, возникает уникальная (неизвестная ни Востоку, ни Западу) энергетика абсолютной власти — то, что он называет «центроверхом», которая на протяжении последних пяти веков нашей истории только меняет свою форму, как змея кожу, по существу (по своей волюнтаристской природе) оставаясь неизменной.

Во всем этом, несомненно, много верного. А. Фурсов сводит в рамках единой концепции попытку осмысления

действительного своеобразия русской истории и культуры, начиная от старших славянофилов, Герцена и Ключевского, и кончая И. Солоневичем (народная монархия) и Л. Гумилевым. *На уровне фактов* А. Фурсову нечего возразить — все происходит так, как он описывает. Вопросы возникают тогда, когда историческая феноменология встречается с логикой Промысла.

Вл. Соловьеву принадлежит афоризм: «Идея нации заключается не в том, что она сама думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о ней в вечности». Можно по-разному относиться к этой мысли, но в качестве гипотезы она имеет, по меньшей мере, такой же вес, как и марксистские материалистические схемы или географический детерминизм. В истории наличествует «месторазвитие», как выражались евразийцы, но только место это всегда *между землей и небом* — вот чего не следовало бы забывать. В статье А. Фурсова есть одно удивительное суждение: «гиперсубъектность (верховой власти в России — А.К.) — это реакция христианского, множественно-субъектного по социогенотипу общества на собственную же форму, возникшую из взаимодействия с не (и вне) субъектным ордынским началом, «ответ Бога отца, сына и святого духа» ордынскому хану, «царю Калину». Здесь многое смешано в одну кучу: реакция русского (православного) общества по горизонтальному принципу «действие — противодействие» и «вертикальный» ответ христианского Бога монгольскому военачальнику. Характерно, что при этом каноническая формула — Отец, Сын и Дух — пишется с маленькой буквы. А. Фурсов явно не доверяет божественному вмешательству в историю, а напрасно. Дело в том, что вне зоны такого вмешательства русский надзаконный «центроверх», при всей своей эмпирической эффективности, превращается во что-то непонятное (да кто он такой?), случайное (порученец чужой силы) и страшное (он не любит народа, и народ не любит его). В общем, этакий *Жруггр*, если вспомнить inferнальных персонажей «Розы

Мира» Даниила Андреева. Не случайно у А. Фурсова где-то в середине статьи появляется термин «демонархия» — предельный случай самозаконной власти: Иван Грозный, Петр Великий, Иосиф Сталин. Собственно, в этом ряду всем перечисленным олицетворениям «центроверха» пристало бы имя Грозного, а само слово «демонархия» как бы колеблется между «демократической» (народной) монархией и «демонической». Но так ли на самом деле?

Не подвергая сомнению сам феномен Верховной власти («центроверха») как основной матрицы русской истории, следует, как мне кажется, более внимательно отнестись к ее идейному обоснованию, к ее духовно-историческим корням. Дело в том, что русская история и русская власть, вопреки евразийцам и примкнувшим к ним нынче украинским националистам, начинается не с XV в. Русская история и культура — это православная линия общехристианской и общемировой цивилизации, берущая свое начало значительно раньше. Всем хорошо известно, что Иоанн Грозный принял помазание на царство 16 января 1547 г. в Успенском соборе московского Кремля. Но задолго до него на Руси властвовали, например, Владимир-Василий Святой и его бабка христианка Ольга-Елена. Можно, конечно, назвать Русь периферией Византии (как и периферией Орды), но это была такая периферия, которой суждено было стать Третьим Римом. В социально-культурном плане христианская Русь началась в Киеве, после ее Крещения в 988 г. Уже в княжение сына Владимира Ярослава Мудрого в Киеве строится Софийский собор — символ утверждения православия на славянской земле. Почти одновременно Софийский собор возводится в северо-западном центре Руси — в Новгороде. И если Крест над цареградской (константинопольской) Софией был заменен после 1453 г. мусульманским полумесяцем, то над новгородской и киевской Софией он высится до сих пор...

Не впадая в преувеличения, можно сказать, что все мышление Древней Руси было софийным. Не только храмовая ар-

хитектура, иконопись, пение, не только порядок и строй богослужения — софийным был весь круг русской культуры. Это относится к летописям («Повесть временных лет»), эпическим сказаниям («Слово о полку Игореве»), народным былинам, народным духовным стихам и к замечательному произведению первоначальной русской мысли — «Слову о Законе и Благодати» митрополита киевского Илариона (40-е гг. XI в.). Именно в этом «Слове» яснее всего выражена древнерусская софийность, здесь впервые просияла умственным светом *русская идея*.

Сказанное означает, что из трех мировых сил, борющихся друг с другом в истории, — Креста, Меча (насилия) и Богатства (денег), — Русь изначально выбрала для себя Крест. Именно Крестом отмечена Русь золотая, софийная. Новгородская и киевская Софии суть живые образы древнего русского посвящения, о котором Н.В. Гоголь скажет через много лет: «Монастырь наш — Россия!». Если римско-католическая Церковь впитала в себя мощное языческое рационально-юридическое начало (принизила святыню до мира), а Византия, наоборот, склонна была мир представить его грешной судьбе, чтобы не запятнать своей веры, то Русь по промыслу Божию уже с первых веков своей христианской истории пошла, в сущности, на крестный подвиг — попыталась слить воедино святыню и жизнь, небо и землю. Немало, конечно, грехов на Руси, в том числе и со стороны Верховной власти, но они всегда осознавались как грех и искупались страданием и кровью. Полная духовного напряжения жизнь Ярослава Мудрого, воинские и политические свершения Владимира Мономаха и Александра Невского, трагическая гибель (в результате заговора) Андрея Боголюбского — вот лишь некоторые примеры такого соединения в русском первичном «социогенотипе» священства и царства. Если и можно предъявить русской державе какие-то упреки, то разве лишь в использовании авторитета власти для обращения к Богу, но никак не в унижении Бога до инструмента власти (римский соблазн).

Москва — периферия Орды или Новый Иерусалим?

При всем отличии Московского Царства от великого княжества Киевского, оба они представляют собой моменты единого общерусского духовно-исторического процесса — и в плане его метаисторического логоса, и в плане его фактической судьбы. В Киеве зачалась софийность русской истории, возник образ ее как соборного Крестоношения. В последующие века этот замысел захватит собой всю Русь — и петербургскую, и, отчасти, даже советскую. Но остановимся пока в Москве.

При рассуждении о Верховной власти в России часто забывают, что Божье благословение на власть есть именно *ограничение* этой власти, а вовсе не обожествление ее как таковой. Царь (великий князь) отвечает за свой народ перед Богом — вот отличие русской православной державы от восточной деспотии (царь как живой Бог-ритуал) или западного абсолютизма (король как симулякр Бога, «король-солнце»). Хрестоматийно известны слова псковского инок Филофея, обращенные им к Василию III: «Третьего нового Рима — державного твоего царствования — Святая Соборная Апостольская Церковь — во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной веры сошлись в твое царство. Один ты во всей поднебесной христианам царь... Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть: уже твое христианское царство иным не достанется». Святая Русь — это христианская сторона света, в которой власть начинается не «снизу» (демократия) и не «сбоку» (плутократия, олигархат), а сверху — от Бога. Имя «Святой Руси» и указывает на это обстоятельство, а вовсе не претендует на всеобщую праведность и святость. Первый Рим — языческий — обожествил самого себя в лице кесаря и пал под ударами варваров. Второй Рим — православная Византия — вопреки ей же провозглашенному идеалу симфонии практически развела священство и царство, пошла на согласие с католиками (Флорентийская уния 1439 г.)

и 14 лет спустя тоже пала под ударами мусульман. Москве, как Третьему Риму, выпала по промыслу Божьему колоссальной трудности задача — жизненно соединить в одно целое храм и престол, народ и церковь, святыню и бытие. Конечно, перед Москвой стояла в те времена и другая задача — освободить Русь от татар. Однако по существу руководителями Москвы эта задача всегда трактовалась как двуединая; и если на первых порах, в эпоху Ивана Калиты, идея собирания русских земель под московскую руку рисовалась по преимуществу прагматически, с точки зрения государственной пользы, то уже со времен Дмитрия Донского эта задача становится, по сути, прежде всего религиозной (вспомним благословение Сергия Радонежского, вспомним образ Спаса на стягах русского войска). Москву как русский национально-религиозный символ выпестовал не татарский полон, что бы по этому поводу ни говорили такие разные люди, как Герцен и Белинский, Федотов и евразийцы. «Москва, как много в этом звуке...» — это плод молитв и бдений преподобного Сергия, это сознательное, а еще более — бессознательное переживание всем народом московским судьбы своей Родины как богоданной и богохранимой. Государственная власть на Москве есть точка приложения Божьего промысла — вот что такое онтология Третьего Рима — и потому Иосиф Волоцкий прямо утверждает, что «неправедный царь — не Божий слуга, но диавол». В отличие от первого Рима, православный московский царь — не кесарь, а христианин, и потому Москва готова отдать ему не только кесарево, но порой и Богово. В этом встречном движении к соединению Бога и человека в истории и состоит замысел Святой Руси, потому и простерт покров Божией Матери над Россией...

Чтобы убедиться в этом, достаточно продумать царствование Иоанна IV Грозного. Много материала для этого дает, в частности, его переписка с князем Курбским. Царство Иоанна IV обычно клянут как деспотическое («демонархия») — но какой деспот станет тратить столько времени и чернил

для оправдания себя перед своим подданным? Более того, в качестве последнего довода в пользу защищаемых Курбским позиций Иоанн зовет его обратно на Русь — пострадать за правое дело, если тот считает себя правым. Как видим, и меч, и золото в руках грозного царя служат Кресту, а не наоборот; что же касается жертв опричнины, то их число не превысило числа убитых одной Варфоломеевской ночью. Жестокость московского самодержавия есть оборотная сторона образа христианского владыки, в котором он предстает как суровый, но справедливый отец своего народа. Несмотря на тяжкие личные грехи, Иоанн находился в непоколебимом убеждении — и в этом его поддерживал весь российский люд, — что «Отец и Сын и Святой Дух ниже начала имеет, ниже конца, о Нем же живем и движемся. Им же цари величаются и сильные пишут правду»¹. Сравните это с открытием героя Достоевского: если Бога нет, то какой же я капитан?

Не менее существенное, хотя и символическое значение имеет в истории иоаннова царствования его встреча с юродивым во время новгородского похода, как она описана современниками. Грозный царь отправился с войском на покорение непослушных псковичей и новгородцев — действие, вытекающее из общей логики построения централизованного русского государства. На улицах Пскова царя встретил местный юродивый и предложил ему кусок мяса, а дело было

¹ Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 12.

Следует оговорить при этом различие средневековых церковно-государственных отношений в Западной Европе и на Востоке — в Византии и на Руси. При всем их структурном сходстве это были *юридическое взаимодействие* — в первом случае, и *мистическая связь* — во втором. Именно внутренней религиозной тайной власти стремились овладеть западные рыцарские ордена в своих поисках святого Грааля. Применительно к современности обе главные ветви некогда единой христианской церкви должны думать скорее о соединении своих вероисповедных (и, прежде всего, нравственно-культурных) усилий, чем о богословской полемике: в ближайшее время их просто вынудит к этому яростное антихристианство XXI в.

в Великий пост. «Я — Христианин и в пост мяса не ем», — ответил юродивому Иоанн. «А кровь христианскую пьешь?» — укорил его человек Божий. И самодержец всероссийский вместе со всей армией повернул назад... Идея Третьего Рима и заповедь «не убий» сошлись в месте этой встречи, и Иоанн IV показал себя православным царем, который строил Святую Русь, при этом тяжело грешил, но когда грешил, то калялся. Таким он и остался в памяти народа.

Властный реализм Запада и его плоды

В свое время знаменитый французский писатель Виктор Гюго заметил, что всякая цивилизация начинается с теократии и заканчивается демократией. Эта мысль, на мой взгляд, верна только отчасти. Она во многом справедлива применительно к Европе (и к Западу вообще), но имеет достаточно отдаленное отношение к православной России, которую автор «Собора Парижской богородицы», очевидно, не знал и уж, во всяком случае, не рассматривал как самобытную цивилизацию. Так или иначе, формула «от боговластия к народовластию» применительно к русской истории может быть прочитана иначе, и даже «ровно наоборот», т. е., выражаясь научным языком, переобращена, инверсирована.

Если — по контрасту с Россией-Русью — говорить о Западе, то многие современные исследователи в качестве первого шага истории *собственно Европы* рассматривают эпоху Ренессанса — именно как акт слома классической западно-христианской парадигмы Средневековья, с его четким разделением на град земной и град небесный (бл. Августин), с его феодально-монастырским общественным устройством. Действительно, Возрождение — вопреки своему «ретроспективному» имени — означало не столько возврат к старому (греко-римскому), сколько инициацию нового — *модернистского* проекта для Запада. Применительно к интересующему нас

вопросу следует подчеркнуть, что точка сборки европейской власти в эпоху Возрождения медленно, но верно смещалась в сторону *культуры* — от сакрального к светскому, от теоцентрического к антропоцентрическому (гуманистическому) слою цивилизации. Разумеется, речь идет пока о тенденции, о веянии, но веянии весьма характерном. Культура — это сфера присутствия человека-в-мире («человекомир»). Именно человек в эпоху Ренессанса, как известно, делается мерой всех вещей — как существующих, так и не существующих; знание становится силой (Ф. Бэкон), мораль — свободным выбором (Ф. Рабле), политика — хитростью (Н. Макиавелли), любовь — эротикой (Петрарка, Бокаччио). Наиболее выразительным художественным символом такого переворота выступает «Мона Лиза» Леонардо да Винчи — портрет самодостаточного, довлеющего себе человека, прекрасной дамы с лукавой улыбкой, помещенной в мистический центр мироздания. Существенно модернизированными оказались ренессансная религия и экономика, породив, с одной стороны, Реформацию XVI в. (т. н. «всеобщее священство», община вместо Церкви), а с другой — то, что впоследствии получило название «капитализм», с его свободным предпринимателем-буржуа, не зависящим ни от кого, кроме самого себя и соседей-конкурентов («невидимая рука рынка»).

Все дальнейшие перемещения властных «мест силы» в Европе можно рассматривать как реализацию этой обретенной в условиях Ренессанса новой свободы. Нет ничего для человека тяжелее свободы, писал Ф.М. Достоевский, и, по сути, он, конечно, совершенно прав. XVII–XVIII вв. стали временем абсолютизма в Старом свете, от «короля-солнца» Людовика XIV до Наполеона, осуществлявших именно антропоцентрический (модернистский) принцип в политике. Точкой приложения власти здесь оказывается *государственность как таковая*, уже не сакральная, а именно светская (даже революционная, как в случае с Бонапартом, хотя еще по традиции облакающая себя то в римские, то в библейские

одеяния². Собственно, наполеоновская (а до него — кромвелевская) диктатура, несмотря на весь свой грозный военно-политический арсенал, отодвинула сектор власти в Европе еще дальше от центра — от государственности к *экономике, материально-хозяйственной жизни вообще* («век девятнадцатый, железный», по слову А. Блока). Буржуазные революции сделали свое дело. Не случайно XIX столетие произвело на свет марксизм — эту, при всей ее хитроумности, редуционистскую (снижающую) теорию, подозревающую человека и его историю в том, что они, в конечном счете, суть только «экономические персонажи». Конечно, всем (почти всем) хочется быть богатыми и здоровыми, но все же сущность человека не сводится к экономике: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» (А.С. Пушкин).

Что касается современного Запада — только что закончившегося XX-го и начавшегося XXI в. — то здесь точка отсчета власти вообще трудно локализуема: это т. н. децентрализованная власть, не делающаяся от этого, разумеется, более духовной или менее эффективной. С сожалением приходится признать, что католическая Церковь (не говоря уже о пестрых протестантских объединениях) не является сегодня духовным (и, тем более, властным) средоточием западной цивилизации — ее социальная роль сведена к исполнению привычных календарных ритуалов, мораль не исключает рукоположения епископов-содомитов (т. н. «епископальная» церковь в Америке) и т. п. Более того, подлинные христиане просто не допускаются сегодня во властвующие элиты. Разумеется, и в Европе, и в Америке есть святые; но духовный фундамент нынешней

² Особый случай в этом плане представляют американские Соединенные Штаты, изначально возникшие как географический («новая Атлантида») и геоэкономический («абсолютно» свободный рынок) эксперимент, а уже впоследствии присвоившие себе римские регалии и тоги («Четвертый Рим»). По существу сегодня, в начале XXI в., США являются скорее гигантской и прекрасно вооруженной финансово-промышленной корпорацией (которой, правда, грозит нефтедолларовое банкротство), чем онтологически полноценным государством.

позднебуржуазной формации покоится на постхристианском (и частично даже антихристианском) «символе веры». Примерно так же обстоит дело в западной культуре, где безоговорочно господствует постмодернизм, играющий означаемыми без означаемого и ликвидирующий благодаря этому различие между высоким и низким, мужским и женским, полетом и падением. Евро-американская культура сегодня — это не власть, а обслуга власти, хотя и хорошо оплачиваемая. Даже традиционная национальная государственность в Европе не может ныне похвалиться подлинной суверенностью, ибо оказывается всего лишь военно-юридическим инструментом правящего класса (и в этом правы марксисты), явно отставая по своему административному влиянию и социальной эффективности от т. н. «сетевых сообществ» — автономных экономико-политических структур вроде ТНК (транснациональных корпораций) или теневых «неправительственных» организаций («Тройственная комиссия», «Бильдербергский клуб» и т. п.). Подлинная власть на Западе сегодня анонимна, распределена между закрытыми финансово-информационными группировками и опирается прежде всего на спекулятивные механизмы управления мировой валютой (финансовая экономика, долларовые пирамиды). Что касается отношения этой власти к религии, культуре и государству, то здесь используется концептуальное оружие — образы социальной мифологии («открытое общество» К. Поппера) и процедуры т. н. «нормализации», политкоррекции человека, («дисциплинарные машины», по терминологии М. Фуко), незаметно для населения приспособливающие вышеназванные институты к стратегии властвующей элиты. В сущности, дело идет о «мягкой» репрессии западных народов, превращаемых посредством виртуозной интерпретативной политики правящего слоя в самодовольных «сублимированных рабов», гордящихся своей принадлежностью к «золотому миллиарду», именующих свой общественный порядок либеральной демократией, регулярно участвующих в выборных спектаклях («слон» и «осел»), но не

отдающих себе отчета в полной собственной управляемости и безответственности.

Нравится это кому-то или нет, невозможно отрицать, что реальный центр власти западной цивилизации примерно за две тысячи лет христианской эры проделал большой нисходящий (центробежный) путь от сакрального ядра личной и общественной практики к ее технико-экономической периферии. В иерархии социально-политических отношений это нисхождение выглядит следующим образом: теократия — церковно освященная монархия — дворянская аристократия — буржуазная демократия — охлократия — нетократия (от англ. net — «сеть», сетевые структуры, сотовое «постобщество»). Медленно, но верно северо-атлантическая «демократия» движется к новому рабовладению, осуществляемому, правда, уже не столько мечом (хотя и он при нужде идет в дело), сколько с помощью виртуальной симуляции желаний, выдаваемой за нечто реальное: искусственные потребности, «дутые» деньги, тотальная политическая демагогия. «Железные дороги — чтобы ездить куда? Телеграф — чтобы передавать что?» — спрашивал в свое время Лев Толстой. Интересно, что бы он сказал, посмотрев современное телевидение или интернет? Нынешний Запад фактически находится в плену у своих агрессивных, по отношению к божьему миру, технологий; это гигантская пиррова победа прометеевско-фаустовского модерна, отвергнувшего христианские ценности под раскаты торжествующего вольтеровского хохота. Американизированный глобальный Фауст получит в XXI в. своего Мефистофеля — но уже не вальяжного господина, как в величественном сочинении И.В. Гете, а звероподобную биоэлектронную бестию, в которой будет смоделирован весь грех, накопленный за годы постмодерна «золотым миллиардом».

Запад вошел сегодня в гедонистическую фазу своей истории, воспроизводящую «обратный ход» духовной эволюции Европы: католичество — протестантство (в союзе с секуляризованным иудаизмом) — либерализм (точнее — либер-

тарианство) — неоязычество — инфернальность³. Все это предвещает в обозримом будущем геокультурную катастрофу (гностическую «культуру смерти», по терминологии А.И. Неклессы⁴, опасную как для самого Запада, так и для большинства народонаселения планеты, особенно когда его норовят «демократизировать» насильно, с помощью «цветных» революций и крылатых ракет. Вряд ли Виктор Гюго предвидел такой финал воспетой им в 1830 г. демократии.

Русское царство: вечное возвращение

Теперь, после сказанного, вновь обратимся к нашей собственной, православно-русской цивилизации. Как и всякая другая, русская цивилизация принципиально строится по кольцевой онтологической схеме (религиозно-языковое ядро + культура + государственность + технологии), однако отношения между ее духовно-языковым ядром и оболочками носят весьма своеобразный и часто даже парадоксальный характер⁵. Прежде всего, это касается историко-культурной динамики русской власти. За примерами далеко ходить не нужно: напомним, что вплоть до февраля 1917 г. у власти в

³ Очевидным свидетельством инфернальных тенденций современной западной культуры является рок — не просто музыка, а господствующий среди молодежи стиль жизни и миропонимания, излучающий явно сатанинские энергии. Как заметил еще в 70-х гг. прошлого века знаменитый «битл» Джон Леннон, «мы сейчас гораздо популярнее Иисуса».

⁴ См.: Неклесса Александр. Мир на пороге новой геокультурной катастрофы // Политический класс. 2005, № 5. С. 69.

⁵ В принципе, данная кольцевая схема может строиться и иначе. Так, например, в марксизме цивилизационное ядро представлено, как известно, производственно-экономическим базисом, а религия, культура и государство отнесены к внешним оболочкам (идеология). Что касается фрейдизма, то здесь движущей силой социума (как и отдельного человека) оказывается биосексуальная энергия либидо, а религия, культура и пр. выступают ее превращенными формами (сублимация). В таком плане Маркс и Фрейд суть концептуальные близнецы-братья, мастера познания и снижения всего высокого.

России находился православный христианский государь — случай для просвещенной Европы немыслимый. Более того, даже после трех революций начала XX в. российская (советская) власть сохранила свою персонифицированную сакральную энергетику — институт партийно-государственных вождей СССР может интерпретироваться как превращенное идеологическое наследие царской идеи («центроверх»). Что касается современности, то у нынешнего Президента Российской Федерации по Конституции полномочий не меньше, чем у последнего петербургского императора — это ли не свидетельство традиционного для России способа построения и наследования духовно-государственной вертикали?

Если проследить дальнейшее перемещение точки отсчета власти в России, то придется признать, что ни культура, ни государственность как таковая, ни даже хозяйственно-экономическая сфера не стали у нас реальными центрами силы, хотя те или иные периоды русской истории можно охарактеризовать как попытку закрепления подобных центров. Известно, что святая Русь не пережила Возрождения, Реформации и Просвещения в той аутентичной форме, в которой это происходило в Европе — именно по этой причине культура и государственность являлись у нас скорее разновидностью духовного (идейного) производства, чем собственно интеллектуально-знаковым или юридическим механизмом. Это касается, в первую голову, знаменитой русской интеллигенции, отличавшейся, по определению Г.П. Федотова, идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей. По воспоминаниям современников, отец русской интеллигенции Виссарион Белинский мог воскликнуть в споре: «Мы еще не решили вопроса о Боге, а вы собираетесь обедать!». Так или иначе, отечественная культура не сконструировала для себя «науки для науки» и «искусства для искусства», оставаясь вплоть до XX в. чем-то вроде религиозно-революционного ордена.

То же самое, в принципе, происходило и с идеей державности на Руси. Петр Великий стремился к осуществлению рос-

сийского варианта абсолютизма по принципу «государство — это я»; однако, несмотря на насилие и связанные с ним жертвы, петербургская монархия воспринималась и Церковью, и народом как продолжение православного соборного царства. Неслучайно петербургские государи короновались в Успенском соборе древней столицы, да и большевики перенесли средоточие своего «пролетарского» государства в Москву. И петербургская монархия, и русский коммунизм выступают в нашей цивилизации как разновидности *идеократии*, т. е. как превращенные формы энергии ее духовного ядра. Особенно выразительно это показала советская власть в России, облекавшая себя в марксистские (т. е. материалистически-экономические) одежды, без конца твердившая о производительности труда как главном критерии общественного прогресса, переселявшая народ на «стройки века», призывавшая устами своих генсеков «догнать и перегнать Америку по производству продукции на душу населения» — но так и не справившаяся с поставленной еще В.И. Ульяновым (Лениным) задачей превращения страны в «единую фабрику»: это была утопия, имевшая свои корни в квазирелигиозной идеологии «земного рая». Правда, в отличие, например, от протестантской «американской мечты», в Советской России не столько бедных хотели сделать богатыми, сколько именно богатых опалить пламенем мирового пожара. Не складывается на Руси самоупоенное бюргерство — хоть лоб расшиби. Как шутил в 1918 г. Андрей Белый, в стране победившего материализма первым делом исчезла материя...

Наиболее радикальный проект перестройки отечественной цивилизации был задуман и частично осуществлен на наших глазах, в ходе переворота 1991–1993 гг., когда сформированная Горбачевым — Ельциным и их окружением «ликвидационная команда» отменила не только Советский Союз, но и вообще всякую онтологически укорененную власть в стране, передав управление шестой частью света переродившейся партноменклатуре в союзе с теневым капиталом (отечественный вариант «демократии»). Возникла т. н. «се-

мибанкирщина», занятая в основном продажей национальных природных ресурсов за границу (и переводом туда же вырученных от этой операции капиталов). Ельцинизм трудно описать какими-либо корректными экономическими, правовыми и, тем более, ценностными категориями — страна чудом удержалась на краю пропасти. По существу, точка сборки «россиянской» власти находилась в 90-х гг. XX в. не только за границей (буквально за рубежом) духовно-языкового ядра, но и за пределами всех естественных оболочек русской цивилизации — скорее всего, где-то в интеллектуальных полях «новой Атлантиды». Можно понять британскую «железную леди», констатировавшую очевидную, на ее взгляд, смерть «неудавшейся» страны России. «От трудов праведных не наживешь палат каменных» — это русский человек всегда чуял сердцем, потому и среагировал на введение капитализма на Руси тремя радикальными способами: повальным пьянством, повальной смертностью и повальным воровством (коррупцией). Если реальный «бог» — деньги, то стоит ли соблюдать перед ним достоинство, честность, простую порядочность? Если Бога нет, то все позволено. Вы разве ждали чего-нибудь иного, господи?

Несколько лет назад бывший британский премьер М. Тэтчер обронила фразу, что Россия умерла, и с этим фактом надо считаться. Однако «железная леди» ошиблась. Православно-русская цивилизация обладает запасом прочности, *воспроизводя свою коренную структуру заново после каждого исторического погрома*, будь то нашествие Батыея, Наполеона, Гитлера или какая-либо внутренняя смута. Так происходит и сегодня, в начале XXI в. Переворот 1991–1993 гг. и даже распад СССР не вылился в «цветную» революцию в России, оставшейся — в отличие от Грузии или, отчасти, Украины — в собственном цивилизационном пространстве-времени, не променяв его на периферию чужого ценностного хронотопа. Вряд ли мы ошибемся, если отметим медленное, противоречивое, с зигзагами и отступлениями, но все же — движение России в сто-

рону восстановления своего статуса *цивилизации-субъекта* мирового процесса, обладающего духовным, культурным, политическим и экономическим суверенитетом.

Некоторые современные авторы склонны доводить «русскую идею» до крайности, и призывают к своего рода автаркии, т. е. к физическому отделению Святой Руси от апостасийного мира с опорой на собственные силы (новый «железный занавес»). Другие — русские националисты этно-биологического типа — наоборот, полагают, что русский мессианизм «сдан в архив», русские перестали быть имперским народом, устали жить для *другого* и должны, наконец, начать жить для себя, по своим собственным прагматическим интересам, наладив на этой почве нормальные контакты с другими европейскими народами-этноэгоистами⁶.

Конечно, приятно пожить для себя, нарастить, так сказать, национального жира, поспорив в этом с немцами или чехами; но, как выражался Ф.М. Достоевский, — пошлость убьет. У кого толще «общечеловеческие ценности»? Увольте нас от подобных сравнений. Провидение сделало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами — утверждал в свое время П.Я. Чаадаев. Между прочим, свои этнические задачи русский народ наиболее успешно решал как раз тогда, когда ставил перед собой большие цивилизационные цели: сравните демографию русских в начале XX в. и в начале XXI-го.

Россия будет либо великой, либо ее совсем не будет. Главная опасность угрожает России не извне, а изнутри: *если деньги у власти, то все позволено*. Хлынувший в страну доллар как катком вытаптывает все лишнее для себя — и в духе, и в теле. Вопрос в том, сумеем ли мы наладить такой религиозно-культурно-государственно-хозяйственный порядок, где наши недостатки (с точки зрения «эвклидовского» бур-

⁶ См., например: Соловей Т., Соловей В. Апология русского национализма // Политический класс. 2006, № 11. С. 32–42. Попутно заметим, что русские этнонационалисты странным образом сходятся в этом пункте с русскими западниками.

жуазного ratio) обернутся достоинствами, т. е. теми преимуществами, благодаря которым Россия, быть может, избежит европейского парадокса, когда сила оказывается слабостью, знание — незнанием, свобода — рабством у греха.

У нас есть шансы это сделать — в той мере, в какой мы преодолеем внутренний кризис, вызванный либеральными экспериментами над православной страной. Когда правящий слой, наконец, поймет, что копировать чужие (и притом бесперспективные) общественные образцы заведомо безнадежно и надо выработать национальную культуру с опорой на собственный цивилизационный код — опыт *общего дела*, который существовал и в московском царстве, и в петербургской империи, и в советской державе. Этот опыт сохранился в сознании и еще больше — в подсознании обыкновенного русского человека. Не надо ничего выдумывать, надо только прислушаться к самим себе.

Конечно, чтобы осуществить на деле все вышесказанное, России потребуется Вождь. Из того состояния, до которого ее довели наши «демократы», другого выхода просто нет. Русский народ не любит юриспруденции и не поклоняется правам человека — он любит избранника, за которым чувствует Божью руку. Только харизматику — «отцу нации» — по силам объединение российского населения (христиан, националистов и атеистов, белых, красных и «желтых», радикалов и либералов) в способное на осмысленное действие социальное целое. Не продажный «средний класс» или бюрократия (им Россия чужда), а именно союз общенационального лидера с большинством народа нужен сегодня нашей стране. Оптимальной духовно-исторической и политической фигурой такого рода для России был бы законный православный царь; однако царя, по точному слову И.А. Ильина, надо заслужить. Нужна переходная форма от псевдодемократии к действительной народной монархии. Чтобы отвечать за такую огромную и сложную страну, верховная власть должна располагать соответствующими рычагами управления, реа-

лизирующими в практическом социальном действии энергетику цивилизационного основания (ядра). Русские патриоты и верховная власть должны найти друг друга — иного им не дано. Идеальных людей, и особенно идеальных правителей, не бывает — тем более надо поддерживать органичные для русской цивилизации стороны их деятельности.

Среди наших правящих элит появились патриотически-мотивированные сегменты — вот что важно. Что касается ярости либералов — она вполне в стиле их «игры на понижение», будь то политика или искусство: даже намек на восставление вертикали русского бытия выводит их из себя.

Подводя итог, замечу следующее. Русскому человеку нужна Верховная власть не потому, что он «раб», а потому, что в глубине души он хочет служить чему-то более высокому, чем польза, комфорт, плюрализм и т. п. Рай на земле — это выдумка идеологов новоевропейского прогресса, начиная с Реформации (возврат от христианства к иудейству) и Просвещения (философия либерального гедонизма). Запад поверил в эти сказки, по существу перестав быть христианской частью света (страна «happy end»). Россия, со своей стороны, до сих пор живет мыслью, что власть и культура в государстве должны исходить не от грешной «одинокой толпы», а от Бога. Вопреки потугам всевозможных инженеров и каменщиков человеческих душ, она до сих пор помнит, что блаженны изгнанные за правду. «Внутренним» русским западникам («внутренним эмигрантам») не стоит надеяться на скорое (или не очень скорое) превращение России в банальную европейскую «политическую нацию». Тело России действительно болеет, но дух еще жив. Вся история России — включая катастрофический XX век — свидетельствует о божьем замысле *святой* Руси, а не о России язычески-самодовольной. Тому, кто не хочет или не может этого понять, придется смириться или навсегда покинуть «эту страну»⁷.

⁷ Подробнее см.: *Казин А.Л.* Последнее Царство. Русская православная Цивилизация. СПб., «Наука», 1998. *Он же:* Великая Россия. Религия. Культура. Политика. СПб., «Петрополис», 20ы07 // <<http://www.lit.lib.ru>>.